

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

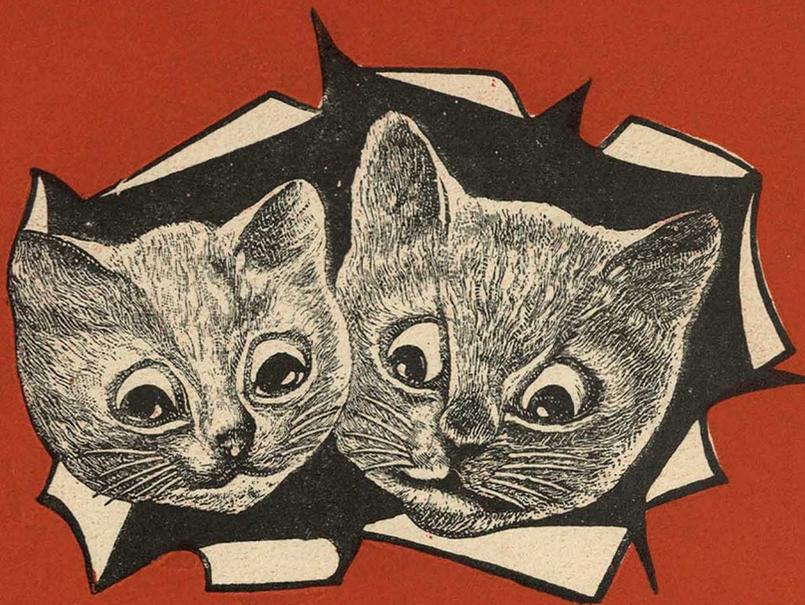
Годъ изданія пятый.

ДЕКАБРЬ.

№ 4.

1911.

1-4

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЛКА
ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ (повѣсть).
ВЪ ЛѢСУ ЗИМОЙ.
ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ
«ЗООЛОГИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ».
ГОЛОВОЛОМКИ
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Кому достанется кладъ?“ (игра).
Выкройка костюма для мальчика.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
„**ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО**“
подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При каж. нум. приложенія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **ТРИ руб. 80 к.**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Это что за звѣрь?

Е Л К А.

Вся въ огняхъ, сіяетъ елка...
И чего тутъ только нѣтъ!—
Вотъ грибы, орѣхи, пчелка,
Вотъ картонный пистолетъ!

Въ платьѣ розового шелка
На вѣтвяхъ паяцъ виситъ...—
Разукрашенная елка
Яркой радугой горитъ...

Сколько тутъ нарядныхъ дѣтокъ!
Звонко льются пѣсни, смѣхъ...
Вотъ срываетъ кто-то съ вѣтокъ
Позолоченный орѣхъ.

Раздались рояля звуки...
Дѣти двинулись впередъ
И, другъ друга взявъ за руки,
Стали въ пестрый хороводъ.

Пѣсни, пляски, споры, толки,
Звонкій смѣхъ стоитъ кругомъ,
Вѣтки стройной, яркой елки
Всѣ увиты серебромъ.

Е. Селунская.

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

Простоявъ около рѣшетки забора минутъ съ десять, инженеръ Константинъ Игнатьевичъ овладѣлъ, наконецъ, собой и, такъ и не зайдя къ директору, вернулся къ себѣ домой. Его жена Елена Петровна не ожидала, что онъ такъ скоро вернется, и, воспользовавшись его отсутствіемъ, занималась безъ него тѣмъ, чѣмъ она занималась обыкновенно всегда, когда бывала одна: она отперла шкафъ и достала изъ него свою завѣтную шкатулку, въ которой хранились вотъ уже восемь лѣтъ чепчикъ,

рубашечки и простынька ея пропавшей когда-то безъ вѣсти дочери Ани. Разложивъ передъ собою всѣ эти вещи, она обыкновенно долго смотрѣла на нихъ, а затѣмъ, наглядѣвшись до сыта, укладывала ихъ обратно въ шкатулку и ставила ее на прежнее мѣсто.

Завидѣвъ возвращавшагося мужа, она быстро собрала чепчикъ, рубашечки и простыньку и сунула ихъ въ шкатулку, но убрать самую шкатулку не успѣла. Онъ замѣтилъ это, но, не подавъ вида, опустился на диванъ.

— Я хотѣлъ-бы проговорить съ тобой, Лена, сказалъ онъ. — Ты свободна? Можешь ты выслушать меня?

Ее удивилъ его странный тонъ и, боясь, какъ-бы онъ не попросилъ ее открыть передъ нимъ то, что она такъ тщательно отъ всѣхъ скрывала, и обнаружить передъ нимъ ея святыню, она тоже разволновалась и отвѣтила:

— Пожалуйста... О чемъ ты хочешь меня спросить?

Онъ былъ такъ взволнованъ, что не зналъ, съ чего начать.

— Я попрошу тебя, Лена, продолжалъ онъ, — напомнить мнѣ все, что было восемь лѣтъ тому назадъ. Ты помнишь, какъ мы съ тобой ѣхали тогда по желѣзной дорогѣ и какъ съ нами случилась катастрофа? Помнишь, какъ между станціями Гришухино и Кубышки поѣздъ, въ которомъ ѣхали ты, я и... и наша дочь Аня, свалился съ насыпи и какъ насъ, чуть живыхъ, помятыхъ и съ переломанными членами вытащили изъ подъ обломковъ вагона? Помнишь ты это?

Она опустила глаза и губы ея задрожали.

— Да, отвѣтила она, чуть слышно. — Помню.

— Меня свезли потѣмъ въ больницу, гдѣ я пролежалъ почти цѣлый годъ и вотъ вынелъ оттуда хромымъ навѣки, а у тебя съ тѣхъ поръ ежедневно болятъ разбитая

голова и помятая грудь. Но это случилось съ нами и нами уже пережито. Лена, умоляю тебя, заклиная тебя всѣмъ святымъ, скажи мнѣ, гдѣ наша дочь? Дѣйствительно-ли она убита во время катастрофы, или быть можетъ ее кто-нибудь укралъ? Ты вышла изъ больницы раньше меня и потому должна и можешь знать больше, чѣмъ я. Не скрываешь-ли ты чего-нибудь отъ меня? Или, быть можетъ, наша бѣдная Аня теперь находится гдѣ-нибудь въ пріютѣ, обезображенная и искалѣченная навѣки, такая страшная, что ты боишься мнѣ ее показать? Отвѣчай же мнѣ, Лена! Скажи мнѣ, гдѣ наша Аня? Что тебѣ извѣстно о ней?

Елена Петровна покраснѣла и глаза ея наполнились слезами.

— Не знаю, твердо и правдиво отвѣтила она. — Мнѣ ничего неизвѣстно о ней!

Инженеръ вскочилъ на ноги.

— Быть можетъ, я съ тѣхъ поръ сошелъ съ ума, заговорилъ онъ, — или многое позабылъ, но я прошу, умоляю тебя: напомни мнѣ, скажи мнѣ точно, сколько-бы ей было лѣтъ сейчасъ?

— Восемь лѣтъ и девять мѣсяцевъ, твердо отвѣтила Елена Петровна. — Она родилась въ февралѣ девять лѣтъ тому назадъ.

— Ты это точно помнишь?

— Посмотри въ метрическое свидѣтельство. Оно у тебя!

— Но какъ ты предполагаешь, гдѣ бы теперь могла быть наша дочь?

— Я думаю, что она давно уже сгнила въ землѣ.

— А что на ней было, когда мы ѣхали тогда въ вагонѣ?

— То есть, какъ это „что было?“ Ну, рубашечка, чепчикъ... Одѣяльце...

— Нѣтъ, ближе къ тѣлу! Что у нея было на груди?

Елена Петровна подумала.

— Ея золотой крестъ съ бриллиантикомъ посрединѣ... отвѣтила она. Онъ былъ очень тяжелъ и его нельзя было надѣвать ей прямо на тѣлице, поэтому я иногда вѣшала его ей сверхъ одежды. Изъ уваженія къ тебѣ ея крестный отецъ вмѣсто простого крестильнаго крестика купилъ ей массивный дорстой.. Я помню, что въ тотъ вечеръ этотъ крестъ былъ дѣйствительно на ней... Но почему ты задаешь мнѣ всѣ эти вопросы? Отчего ты такъ взволнованъ?

— А не было-ли на этомъ крестѣ какихъ нибудь буквъ?

— Да были... На обратной сторонѣ были вырѣзаны буквы „А“ и „М“, что должно было означать „Анна Муханова“.

Константинъ Игнатьевичъ нервно затеребилъ усы и заходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Жена смотрѣла на него большими удивленными глазами и, не понимая, въ чемъ дѣло, беспокоилась

только объ одномъ, какъ-бы онъ не спросилъ ее, что у нея лежитъ въ шкатулкѣ. Но опасенія ея оказались излишними. Не спросивъ ее больше ни о чемъ, онъ вышелъ изъ кабинета, надѣлъ пальто и отправился опять къ директору. Она посмотрѣла ему вслѣдъ. Сосредоточенный и занятый своими мыслями, онъ ковылялъ своей хромой ногой и скоро завернулъ за уголъ и скрылся. Она заперла шкатулку, положила ее въ шкафъ, сѣла за столъ и предалась своимъ думамъ. Цѣлые дни она проводила одна и думать о своей погибшей дочери было для нея привычнымъ, грустнымъ, но въ то-же время и отраднымъ дѣломъ.

Придя къ директору, Константинъ Игнатьевичъ взялъ себя въ руки и ни однимъ движеніемъ не показывая своего волненія, долго разговаривалъ съ нимъ о дѣлахъ и предположеніяхъ на завтрашній день. Затѣмъ оба они просматривали отчеты, вызвали главнаго бухгалтера, выслушали его объясненія и когда уже было закончено все и бухгалтеръ ушелъ, то будто-бы невзначай инженеръ спросилъ:

— Александръ Ивановичъ, сколько вашей Марусѣ лѣтъ?

Директоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ на потолокъ.

— Да сколько ей лѣтъ?... отвѣтилъ онъ.—Погодите, дайте вспомнить! Моя жена умерла черезъ годъ послѣ ея рожденія. Этому бу-

детъ девять лѣтъ. Слѣдовательно, Маруся теперь кончается десятый годъ!

„Значить, это не она“, подумалъ инженеръ. „Моей Анѣ теперь шель-бы всего только девятый годъ... Но, можетъ быть, директоръ ошибся?“

И сдѣлавъ надъ собой усилие, онъ уже робко спросилъ:

— А когда Маруся родилась?

Директоръ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Какъ разъ въ самый сочельникъ... 24-го декабря... Я хотѣлъ назвать ее Евгеніей, но покойной женѣ почему-то захотѣлось, чтобы она была Маріей... Но почему вы меня спрашиваете объ этомъ?

Инженеръ опустилъ глаза.

— Такъ, отвѣтилъ онъ. — Я и моя жена хотѣли-бы сдѣлать для нея что-нибудь въ день ея рожденія... Хотѣлось-бы что-нибудь ей подарить...

И довольный, что придумалъ такой выходъ изъ положенія, Константинъ Игнатьевичъ простился съ директоромъ и засбирался домой.

Когда онъ былъ уже въ прихожей и надѣвалъ пальто, то возвратилась отъ Наталіи Ивановны Маруся. Она была вся свѣженькая и розовая отъ холодка и снѣжинки звѣздочками лежали у нея на шляпѣ и на плечахъ. Быстро сбросивъ съ себя шубку, она готови-

лась-было уже бѣжать къ себѣ въ дѣтскую, какъ Константинъ Игнатьевичъ взялъ ее за руку и задержалъ.

— Твой папа сейчасъ сказалъ мнѣ, проговорилъ онъ,—что день твоего рожденія — въ сочельникъ подъ самое Рождество. Хочешь я сдѣлаю для тебя елку?

Ея личико озарилось улыбкой.

— Хочу, отвѣтила она.—Только пригласите Анюту, Володю и другихъ дѣтей... Что-бы было весело! Мы будемъ танцевать и прыгать... Это будетъ такъ интересно!

Онъ наклонился надъ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Хорошо, сказалъ онъ. Я приглашу всѣхъ, кого ты пожелаешь...

И точно мимоходомъ онъ ее спросилъ:

— А гдѣ-же тотъ крестъ, который я видѣлъ на тебѣ два часа тому назадъ?

— Я отдала его Натальѣ Ивановнѣ! Его утащила у нея сорока Пулька и принесла его ко мнѣ. Она часто воруетъ у нея вещи и приноситъ ко мнѣ.

— У Наталіи Ивановны? У какой Наталіи Ивановны?

— У Володиной тети. Она разбирала сегодня шубы въ сундукъ и не замѣтила, какъ Пулька утащила оттуда крестъ!

И съ веселымъ смѣхомъ она вырвалась отъ инженера и убѣжала къ себѣ въ дѣтскую.

Онъ постоялъ немного, посмо-

трѣль ей вслѣдъ и отправился къ себѣ домой.

А тѣмъ временемъ Наталія Ивановна не знала, что ей дѣлать и какъ ей быть. Маруся прибѣжала къ ней съ крестомъ въ самый тотъ моментъ, когда она, Володя и Анюта сидѣли всѣ вмѣстѣ и пили послѣ обѣда чай.

— Тетя, тетя! закричала вбѣжавшая къ нимъ Маруся.—Посмотрите, что мнѣ притащила сейчасъ Пулька отъ васъ!

Наталія Ивановна увидала этотъ крестъ, да такъ и всплеснула руками. Неужели сорока могла утащить у нея эту ея драгоценность и отнести въ чужой домъ, гдѣ она могла бы безвозвратно пропасть? Неужели Наталія Ивановна такъ плохо хранила до сихъ поръ такія важныя вещи, которыя могли обнаружить ея секретъ? Она подбѣжала къ Марусѣ, сдернула съ ея шеи крестъ и поспѣшно сунула его къ себѣ въ карманъ.

— Вѣдь вотъ какая дрянная птица! проговорила она.—Вотъ вѣдь какая воровка!

Но скрыть крестъ отъ Володи и Анюты было уже нельзя. Они увидѣли его, подбѣжали къ Наталіи Ивановнѣ и стали ее просить показать имъ, что это такое. И чѣмъ болѣе она волновалась и старалась отговориться отъ нихъ, тѣмъ болѣе они ее упрашивали и приставали къ ней. Кончилось дѣло тѣмъ, что она не устояла передъ ихъ

просьбами и, какъ правдивый по природѣ человекъ, не рѣшилась ихъ обманывать и показала имъ этотъ крестъ. Они обступили ее со всѣхъ сторонъ и съ радостнымъ удивленіемъ стали осматривать эту диковинную и незнакомую для нихъ вещь.

— Чей это? спросилъ Володя.

Наталія Ивановна хотѣла было соврать, но не съумѣла.

— Это крестъ Анюты... отвѣтила она и почувствовала, какъ въ груди у нея что-то задрожало. Когда ее крестили, то ей подарилъ его ея крестный отецъ.

— Но почему-же на немъ вырѣзаны буквы „А“ и „М“? спросилъ Володя.—Вѣдь фамилія Анюты—Куликова?

Наталія Ивановна вспыхнула и не знала, что ей сказать.

— Должно быть, крестный отецъ Анюты, — запинаясь отвѣтила она наконецъ,—купилъ его у кого-нибудь по случаю... Впрочемъ, я не помню... Это было такъ уже давно!..

Узнавъ, что этотъ крестъ принадлежитъ ей, Анюта пришла въ восторгъ, запрыгала и захлопала въ ладоши.

— Мамочка, дай мнѣ его поносить! попросила она свою приемную мать.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣтила Наталія Ивановна.—Этого никакъ нельзя!

— Но почему-же нельзя? спросила Анюта.

Наталіи Ивановнѣ и самой показалось теперь страннымъ, почему именно нельзя было-бы Анютѣ носить этотъ крестъ? Вѣдь объ ея тайнѣ не знаетъ никто, сама Аня и всѣ знакомые твердо убѣждены, что она—дочь ея и Григорія Семеныча, и дѣлать изъ обладанія крестомъ какую-то особенную тайну—значило-бы только подливать масла въ огонь и возбуждать въ дѣтяхъ лишнее любопытство, которое едва-ли къ чему нибудь путному доведетъ. И если Наталія Ивановна такъ тщательно скрывала до сихъ поръ этотъ крестъ отъ всѣхъ, то не потому-ли, что знала объ этой тайнѣ только она сама, тогда какъ о ней все равно не знали и никогда не узнали-бы никто другой.

И притянувъ къ себѣ Анюту, она надѣла ей на шею крестъ и сказала:—

— Ну, хорошо. Походи въ немъ немного и потомъ отдай мнѣ его назадъ!

Полчаса спустя, она уже вновь взяла крестъ обратно отъ Аня и уложила его къ себѣ на самое дно сундука.

— А ты мнѣ позволишь, мама, когда нибудь надѣть его еще разъ? обратилась къ ней Аня.

— Хорошо, отвѣтила ей Наталія Ивановна. — Ты надѣнешь его на Рождество! А если у насъ въ конторѣ будетъ и въ этомъ году елка для заводскихъ дѣтей, то

ты надѣнешь его и въ сочельникъ!

И, довольная тѣмъ, что такъ легко отдѣлалась отъ дѣтей, Наталія Ивановна усѣлась у окошка и стала выпарывать изъ бѣличьей шубки обтершіяся мѣста. Но какое-то безпокойное чувство, какая-то боязнь того, что произошло, наполнили ея сердце. Она сидѣла, выпарывала мѣхъ и ее томило предчувствіе чего-то недобраго и казалось, что все это случилось даромъ и такъ просто не пройдетъ. И полная безпокойства за Анюту, она еще ниже склонилась надъ своей работой и ея губы невольно шептали:—

— Спаси и помилуй, Царица Небесная! Обереги ее, Господи, и сохрани!

Вечеромъ Володя ходилъ къ Константину Игнатьевичу, но ему тамъ сказали, что онъ не можетъ его принять, и просили зайти въ другой разъ. А когда Володя пришелъ къ нему на слѣдующій день, то ему показалось, что и самъ инженеръ, и его жена были чѣмъ-то озабочены и что въ ихъ семьѣ случилось что-то такое, чего онъ не замѣчалъ до сихъ поръ. А потомъ жизнь снова вошла въ свою колею и все пошло такъ, какъ шло и до этихъ поръ. Попрежнему Володя сталъ спускаться по три раза въ недѣлю подъ землю и по прежнему въ остальные три дня его училъ у себя по вечерамъ самъ инженеръ.

Славяъ Христа.

Вифлеемские пастухи.

Настала зима, задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ и вся необозримая степь покрылась снѣгомъ. Проносились частыя метели и говорили о томъ, что снѣгомъ заносило въ пути цѣлые поѣзда и что недалеко, въ Азовскомъ морѣ, вѣтромъ часто взламывало ледъ и уносило рыбаковъ на льдинахъ на десятки верстъ отъ берега. Володя и Анята прислушивались къ этимъ рассказамъ и, забившись въ уголъ и слыша злобныя завыванья вѣтра, тѣсно прижимались другъ къ дружке и молчали. Часто и Наталья Ивановна, сидя за работой и низко склонившись у керосиновой лампочки, рассказывала имъ о томъ, что ей пришлось испытать за свою жизнь и какъ семь лѣтъ тому назадъ вся ихъ семья жила въ Таганрогѣ и Григорій Семенычъ грузилъ пшеницу на пароходы и корабли. Настя по прежнему работала, не покладая рукъ, не смотря на свои юные годы, а Григорій Семенычъ по прежнему, рылся какъ кротъ подъ землей.

Такъ прошло время до Рождества. Наступалъ Сочельникъ. Заговорили объ елкѣ, о томъ, что для всѣхъ заводскихъ дѣтей будетъ устроенъ праздникъ въ большомъ помѣщеніи конторы и всѣ матери стали заранее обшивать своихъ дѣтей, чтобы не ударить другъ передъ дружкой въ грязь лицомъ. Уже привезли большую

ель изъ Святыхъ горъ и нѣсколько ящичковъ елочныхъ украшеній изъ Харькова, школьные мальчики разучивали пьесу и Наталья Ивановна, любившая дѣтскіе вечера, заранее предвкушала радость и старалась на послѣднія деньги сшить чтонибудь новенькое для своихъ дѣтей. Какъ вдругъ отъ инженера Константина Игнатьевича пришло къ нимъ приглашеніе на особую елку, въ его домѣ, которую онъ устраивалъ специально для Маруси и ея друзей. Это привело всѣхъ дѣтей въ восторгъ и польстило Натальѣ Ивановнѣ и ея мужу. Значить, ихъ дѣти, Анята и Володя, настолько благовоспитанны, что ихъ удостоивали своимъ приглашеніемъ такіе значительные люди, какъ самъ инженеръ!

И начались сборы на елку. Анятѣ было сшито новенькое баарежное платье, которое, правда, было передѣлано для нея изъ уцѣлѣвшаго подвѣчнаго платья Натальи Ивановны, Володѣ мѣстный портной — углекопъ сшилъ пиджачокъ, а сама Наталья Ивановна достала себѣ изъ неистощимаго сундука большую турецкую шаль съ огурцами и сдѣлала кружевную наколку на волоса. Было неудобно отпускать на елку дѣтей однихъ, да и самъ инженеръ приглашалъ къ себѣ и ее. Ей-же самой до смерти хотѣлось поглядѣть на дѣтей и хоть издали взгля-

нуть на ихъ танцы и веселыя личики и порадоваться ихъ радостью. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ она питала слабость къ аристократическому обществу, а инженеръ и его жена были для нея не только аристократы: она любила ихъ за ихъ простоту и за то, что они принимали такое участіе въ ея племянникѣ Володѣ, и относились къ нему, какъ къ своему.

Но вотъ насталъ Сочельникъ. Въ рудникѣ не работали уже три дня и вся семья Наталіи Ивановны была въ сборѣ. Пахло свѣжевымытыми полами, передъ иконами горѣли лампадки, на комодъ и на столики были посланы вязанныя салфеточки и поставлены букеты изъ цвѣтной папирсной бумаги, на которые была большой мастерицей Настя. Было празднично и уютно. Въ печкѣ запекался маленькій окорочекъ и по всей комнатѣ и кухнѣ носился вкусный запахъ печенаго на сальцѣ хлѣба. Григорій Ивановичъ купилъ колбасы, порѣзалъ ее кружечками и красиво разложилъ ее къ завтрашнему дню по тарелкѣ. Несмотря на сравнительную бѣдность жилища, въ немъ вѣяло святостью доброй, трудовой жизни и красотой заслуженнаго отдыха послѣ тяжелаго, производительнаго труда.

До самой звѣзды не ѣли и не пили ничего и только въ пять часовъ вечера всѣ усѣлись за столъ.

Поѣли кутыи, похлебали взвару, и, полные нетерпѣнія, стали собираться къ инженеру въ гости.

— Какъ бы намъ не опоздать! больше всѣхъ суетилась и хлопотала сама Наталія Ивановна.— Успѣю-ли я васъ всѣхъ одѣть и собрать? Вѣдь приглашали къ семи часамъ!..

И начались причесыванья и одѣванья съ такимъ усердіемъ и стараньемъ, точно всѣ они собирались на придворный балъ.

— Мама, приставала Аня къ Наталіѣ Ивановнѣ.— Ты надѣнешь на меня сегодня крестикъ? Да? Ты позволишь мнѣ его сегодня надѣть?

Наталія Ивановна поглядѣла на нее въ ея новомъ бѣленькомъ платьѣ и она показала ей въ немъ такой интересной, что у нея не хватило силъ ей отказать.

— Хорошо, хорошо! отвѣтила она.— Только успокойся, пожалуйста, хоть ты, и не пищи надъ душой!

И она отперла сундукъ, достала изъ его нѣдръ крестъ съ бриллиантомъ посрединѣ и съ буквами „А“ и „М“ и надѣла ей его на шею. Аня подошла къ зеркальцу и поглядѣлась въ него.

— Да ужъ хороша, хороша! крикнула ей вслѣдъ Наталія Ивановна.— Нечего глядѣть!

А сама вздохнула, улыбнулась и подумала про себя: „Должно быть, она и впрямь дочь какихъ

нибудь благородныхъ родителей! Только подумать, какая писанная красота!»

Но вотъ ужъ сборы окончены и всѣ приглашенные отправились на елку. Впереди шли Аня и Володя, позади нихъ Наталя Ивановна съ Настей, а сзади всѣхъ смиренно шествовалъ Волчекъ. Григорій Семенычъ остался дома и рѣшилъ кое-что прочитать.

Хоть ихъ было всего только пятеро съ Волчкомъ, но они шумной толпой вошли въ переднюю къ инженеру и стали раздѣваться. Въ залѣ уже была зажжена елка и поджидали ихъ прихода. Маруся была уже тамъ и, завидѣвъ своихъ знакомыхъ, бросилась къ нимъ навстрѣчу и начались поцѣлуи. Пахло смолистымъ запахомъ хвои и какими-то нѣжными, вкусными духами. Гувернантка Маруся заиграла на роялѣ и, взявшись за руки, Володя, Маруся и Аня подбѣжали къ елкѣ. Ихъ встрѣтили инженеръ и его жена, стали угощать ихъ разными сластями и снимать для нихъ съ елки картонажи и игрушки. Володя получилъ серебрянные часы и отъ радости не чувствовалъ подъ собою ногъ: это были первые часы въ его жизни. Настя Елена Петровна приколотила къ шеѣ золотую брошь. Маруся обнимала большую куклу, которая пицала „папа“ и „мама“ и закрывала и открывала глаза. Наталя Ивановна съ чувствомъ

вполнѣ понятной неловкости получила штуку голландскаго полотна и шелковой матеріи на платье.

— Ну, а тебѣ, стрекоза, что подарить? обратился инженеръ къ Аня и низко склонившись надъ ней, заглянулъ ей прямо въ ея доврчивые, голубые глаза.

— Не знаю... отвѣтила Аня.

И вдругъ глаза инженера упали на висѣвшій у нея на груди крестъ. Онъ вздрогнулъ и, сдѣлавъ видъ, будто хочетъ показать ей елку съ другой стороны, взялъ ее за руку и зашелъ съ нею въ уголокъ.

— Что ты хочешь: куклу или чайный приборъ? спросилъ онъ и замѣтилъ, какъ ему измѣнилъ голось.

Пока она раздумывала, что ей лучше выбрать, онъ оглядѣлъ крестъ со всѣхъ сторонъ, повернулъ его на обратную сторону и увидѣлъ на немъ буквы „А“ и „М“. Сердце его дрогнуло. Ему показалось, что вся комната подалась вмѣстѣ съ нимъ куда-то влѣво и вдругъ все запрыгало у него въ глазахъ. Теперь не оставалось больше уже никакого сомнѣнія: этотъ крестъ принадлежалъ его дочери, этотъ крестъ былъ на ней въ тотъ злополучный день, когда поѣздъ вмѣстѣ съ пассажирами свалился подъ откосъ, и теперь почему-то оказался вдругъ здѣсь, на этой дѣвчкѣ, которая, быть можетъ, и есть его дочь. И, овладѣвъ собой,

онъ взялъ дѣвочку на руки и понесъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— А вотъ пойдѣмъ сюда, ска- залъ онъ.—Я покажу сейчасъ тебѣ картинки!

Она довѣрчиво обняла его рукой за шею и оба они отправились въ кабинетъ.

Онъ усѣлся за письменный столъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣнку и развернулъ передъ ней альбомъ фотографій.

— А это чей на тебѣ крестъ? спросилъ онъ ее, когда она увлеклась разсматриваніемъ картинокъ.

— Мой, отвѣчала она. — Мама долго хранила его у себя въ сундукѣ, а теперь я выросла уже большая и могу его носить.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Скоро будетъ девять. Мама говоритъ, что мнѣ сейчасъ девять лѣтъ безъ трехъ или пяти мѣсяцевъ.

Это были года дочери инженера.

— Почему же безъ трехъ или пяти? спросилъ инженеръ.—Развѣ ты точно не знаешь, когда ты родилась?

— Нѣтъ, но мама говорила мнѣ, что она и сама позабыла, когда день моего рожденія. Зато я праздную свои именины! Приходите къ намъ пить чай!

Онъ хотѣлъ задать ей еще нѣсколько вопросовъ, но въ это время къ нимъ въ кабинетъ вошла Елена Петровна.

— Посмотри сюда, Лена! обратился къ ней инженеръ.—Узнаешь?

И онъ показалъ ей крестъ.

Она взглянула на него и, издавши пронзительный крикъ, схватилась за сердце и повалилась на диванъ. Музыка тотчасъ же прекратилась, всѣ испугались, встревожились и наполнили собою кабинетъ.

— Это она! Это она! закричала Елена Петровна. Это она—Аня, моя дочь!

Аня не понимала, въ чемъ дѣло, Володя, Настя и Маруся смотрѣли на Елену Петровну большими, испуганными глазами, а сама она вскочила затѣмъ съ дивана, бросилась къ Анѣ и прижала ее къ своей груди.

— Аня! Дорогая моя! закричала она.—Наконецъ то это ты! Наконецъ-то ты нашлась!

Она испугалась и стала плакать.

Наталія Ивановна поняла все, у нея задрожали руки и ноги и сильно забилося сердце, она хотѣла говорить, но не смѣла и, ухватившись одною рукою за грудь, опустила на стулъ и другою рукою стала креститься.

Къ ней подошелъ инженеръ.

— Наталія Ивановна, обратился онъ къ ней,—умоляю васъ, скажите, откуда у васъ этотъ крестъ? Дѣйствительно-ли Анята — ваша дочь?

Наталія Иванова поднялась съ кресла, овладѣла собой, и твердою походкой направилась въ выходу.

— Подождите минутку, сказала

она. — Я сейчасъ приду къ вамъ опять.

И, надѣвши въ попыхахъ кое-какъ шубу и платокъ, она побѣжала къ себѣ домой. Ноги едва ее несли. Придя къ себѣ, она достала ключи, отперла сундукъ, вытащила изъ него свертокъ съ чепчикомъ, рубашечкой и простышкой Анюты и такъ-же скоро побѣжала назадъ.

— Куда ты? хотѣлъ было остановать ее Григорій Семеновичъ. — Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты это туда несешь?

Но она не отвѣтила ему, хлопнула дверью и побѣжала.

— Вотъ! обратилась она къ инженеру, три минуты спустя. — Если эти дѣтскія вещи ваши, то, значить, и Анюта—ваша дочь! Больше я не знаю ничего!

И она снова въ безсиліи опустилась на стулъ.

Инженеръ и его жена бросились развязать принесенный ею пакетъ, вырывали его отъ нетерпѣнія другъ у друга и когда наконецъ онъ былъ развязанъ, то для нихъ не оставалось уже болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они нашли свою дочь.

— Да, да! восклицала Елена Петровна и слезы радости струились у нея по щекамъ. — Это чепчикъ и рубашечка ея! Она была въ нихъ именно въ тотъ самый день, когда свалился поѣздъ! Это они!

И, бросившись къ шкафу, она достала изъ него завѣтную шкапулочку и вынула изъ нея свою святыню.

— Вотъ! сказала она. — Можете сличить! Одно и то-же полотно и однѣ и тѣ-же мѣтки и работа! Значить, Аня—моя!

Всѣ обступили ее со всѣхъ сторонъ, глядѣли на уцѣлѣвшее дѣтское бѣлье, а затѣмъ началось чтеніе письма той неизвѣстной женщины, которая подкинула когда-то въ темную осеннюю ночь ребенка къ дверямъ Наталіи Петровны и поручила его ея доброй сострадательной душѣ. Елена Петровна, Настя и Наталія Ивановна плакали навзрыдъ, у читавшаго это письмо Константина Игнатьевича дрожали отъ волненія голосъ и слезы тоже текли по щекамъ и когда, наконецъ, не осталось больше никакихъ сомнѣній и было выяснено все, то всѣ, точно передъ отправленіемъ въ дальнюю дорогу, усѣлись по стѣнамъ и вдругъ стали молчать. Торжественность минуты сковала всѣмъ уста и когда наконецъ слетѣвшій съ неба тихій ангелъ пролетѣлъ мимо, то снова у всѣхъ развязались языки, всѣмъ захотѣлось сразу вскочить, прыгать, танцевать, рѣзвиться и встрѣтить ласковымъ привѣтомъ открывавшуюся теперь передъ ними новую жизнь.

— Ну, что-же? вдругъ сказалъ инженеръ. — Вѣдь у насъ зажжена

елка! Давайте всѣ вмѣстѣ плясать! Берта Карловна, садитесь за рояль! Володя, приглашай Марусю! А ты, моя дочурка, давай танцевать со мной!

И онъ взялъ на руки Анюту и звонко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

Заиграла музыка, послали за Григоріемъ Семенычемъ и когда онъ явился къ инженеру то засталъ у него такое веселье, какого не видѣлъ еще никогда. Всѣ танцевали кто во что гораздъ и между ними бѣгалъ Волчекъ, стараясь понять въ чемъ дѣло, и не понимая, лалялъ на весь домъ.

А когда наконецъ всѣ устали и въ безсиліи повалились на кресла и диваны, то Константинъ Игнатьевичъ взялъ Григорія Семеновича и Наталію Ивановну за руки и объявилъ имъ, что не разстанется съ ними никогда.

И стали всѣ вмѣстѣ жить, по-

живать и наживать добра. Григорій Семеновичъ и Настя перестали работать въ шахтахъ, Володя скоро поступилъ въ реальное училище, а затѣмъ всѣ переѣхали вслѣдъ за нимъ въ городъ, гдѣ Маруся и Анюта стали вмѣстѣ ходить въ женскую гимназію и въ теченіе всего курса сидѣли на одной скамейкѣ.

Теперь они всѣ трое уже большіе. Володя сталъ уже горнымъ инженеромъ, а Аня и Маруся превратились въ Анну Константиновну и Марію Александровну. Наталія Ивановна скоро будетъ старушкой, Настя вышла замужъ, а Григорій Семеновичъ уже умеръ и его прахъ мирно покоится на городскомъ кладбищѣ. Околѣлъ и вѣрный Волчекъ. Онъ дожилъ до глубокой старости и во всю свою жизнь ни на шагъ не отставалъ отъ своего хозяина Володи.

К О Н Е Ц Ъ .

А. Ж.

ВЪ ЛѢСУ ЗИМОЙ.

Отъ утихнувшихъ метелей
Ярко въ солнечномъ лучѣ
Серебрится лѣсъ изъ елей
Въ снѣгомъ затканной парчѣ.
Вѣтеръ трогаетъ верхушки,
А надъ ними синь небесъ.
Сѣрый заяцъ по опушкѣ
Пробѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ.
... Много сказокъ знаетъ ельникъ,
Какъ зимой среди ночей

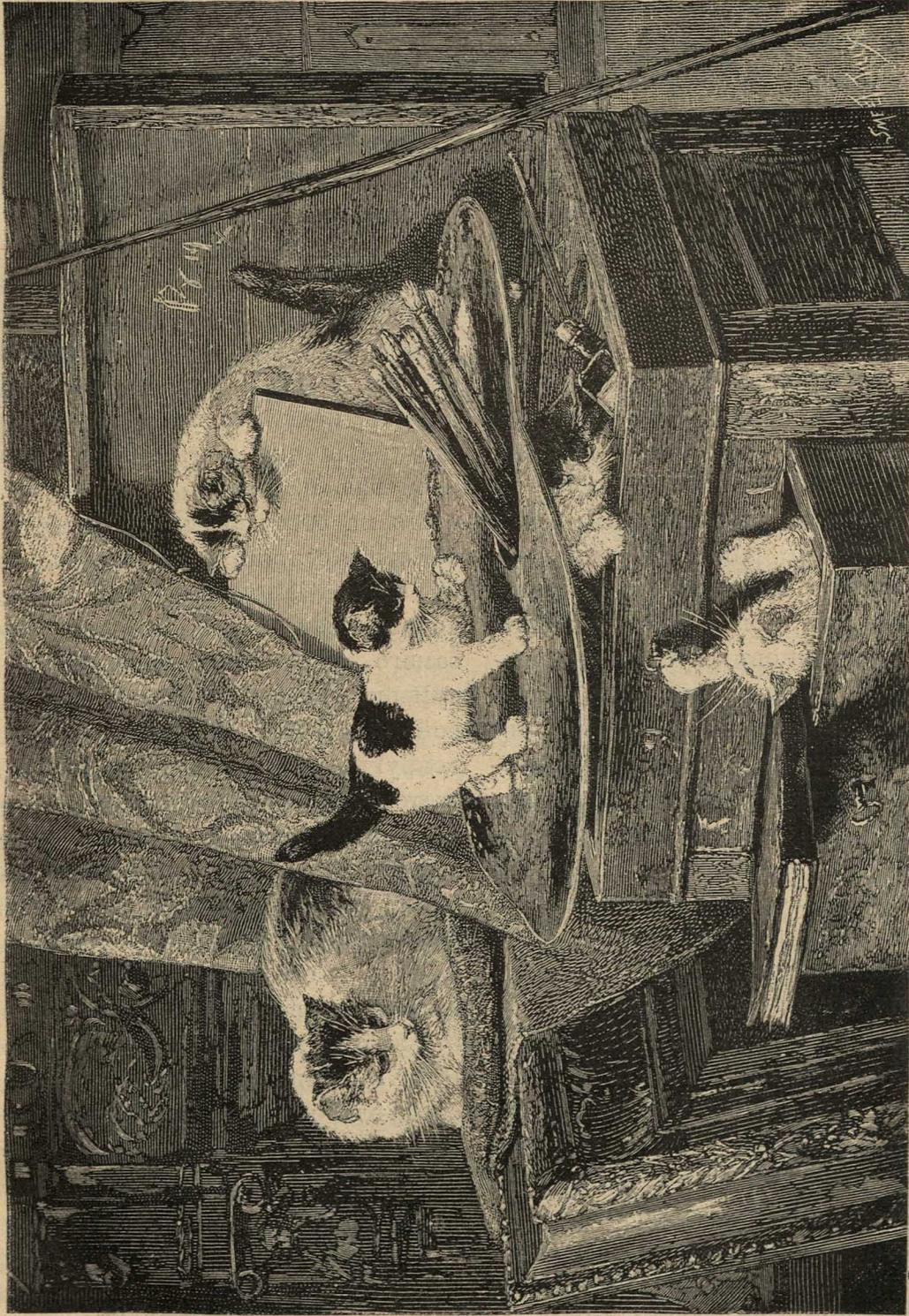
Дѣдъ-Морозъ въ Святой Сочель-
никъ.
Ищетъ елокъ для дѣтей.
Въ красной шапкѣ, въ шубѣ длинной
И за поясомъ топоръ,
Запорошенной равниной
Онъ бредетъ въ еловый боръ.
По тропѣ заледенѣлой
Въ глубину лѣсныхъ просѣкъ,
Рукавами шубы бѣлой
Отряхая съ вѣтогъ снѣгъ.

Е. Селунская.

Ваня и Маша у Бабы-Яги.

ХУДОЖНИК.

ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ.

Быль сочельникъ. Въ каждомъ городкѣ, въ каждой деревушкѣ готовились къ встрѣчѣ Рождества. Тамъ, гдѣ были церкви, звонили въ колокола и народъ шель ко всенощной. Тѣ, кто оставался дома, устраивали у себя елку, а у кого не было вовсе дѣтей, — тѣ просто сидѣли въ праздничномъ настроеніи у себя дома, грѣлись у печки и прислушивались къ вою непогоды. Въ большихъ городахъ, гдѣ не такъ замѣтна плохая погода, взадъ и впередъ ѣздили экипажи, были ярко освѣщены окна магазиновъ, суетились прохожіе и каждый старался закупить поскорѣе все то, что ему нужно было для елки и для встрѣчи Рождества. Звонили колокола, гремѣли вагоны трамвая, гудѣли автомобили и никому и въ голову не приходило, что въ полѣ бушуетъ мятель и всѣ дороги уже занесены настолько, что по нимъ трудно проѣхать и пройти.

У опушки большого сосноваго лѣса, далеко отъ всякаго жилья, стояла сторожка. Каждый день лѣсникъ Денисъ долженъ былъ обходить на лыжахъ лѣсъ и оберегать его отъ порубки. Ему попадались на встрѣчу зайцы, которые при видѣ его не убѣгали, а становились на заднія лапки и подергивали ушками. Онъ не тро-

галъ ихъ и они давно уже привыкли видѣть его темную коренастую фигуру на бѣломъ фонѣ снѣга. Бѣлобокія сороки слетали къ нему съ деревьевъ и прыгали вокругъ него, ожидая отъ него крошекъ хлѣба. Маленькія птички, которыхъ онъ кормилъ гречневой крупой, садились къ нему на плечи и на шапку и онъ такъ и шель, неся ихъ на себѣ.

Но на этотъ разъ всѣ птицы и зайцы такъ его и не дождались. Въ этотъ Сочельникъ онъ не выходилъ изъ своей сторожки съ самаго утра, наступили затѣмъ сумерки, птицы улеглись на покой, а зайцы еще долго бѣгали вокругъ его избушки и съ любопытствомъ заглядывали къ нему въ заиндивѣвшее окно. Тамъ, внутри этой избушки, теперь царили уныніе и тоска. При слабомъ свѣтѣ коптившей лампочки Денисъ и его жена стояли около жалкой кровати, на которой, весь въ жару, метался ихъ внучекъ Вася и полными страха глазами смотрѣли на его страданія. Онъ былъ у нихъ одинъ на всемъ свѣтѣ; онъ былъ единственнымъ ихъ утѣшеніемъ и только онъ одинъ привязывалъ еще ихъ къ жизни. Оба старики, они мечтали только о томъ, какъ онъ вырастетъ большой, какъ получить об-

разованіе и успокоить ихъ подѣ старость, и вотъ теперь онъ былъ тяжело болѣнъ; двѣ недѣли тому назадъ онъ бѣгалъ въ гости въ сосѣднюю деревню, заразился тамъ скарлатиной и теперь болѣнъ ею безнадежно и, кажется, не встанетъ уже съ постели никогда. Въ этотъ сочельникъ больному сдѣлалось хуже и теперь для старичковъ уже было ясно все: онъ не доживетъ до утра. И они стояли около него, глубоко вздыхали, молились и слезы струились у нихъ по щекамъ.

А на дворѣ бушевала мятель, снѣгъ тучами переносился съ мѣста на мѣсто и высокія сосны роптали своими вершинами такъ, что казалось, будто невдалекѣ шумѣло море. И вдругъ, откуда-то издалека, донесся до нихъ звонъ колокола. Вмѣстѣ съ вѣтромъ онъ покружился около лѣсной сторожки, залетѣлъ въ ея дверь и въ трубу и снова умчался далеко, куда погналъ его неутомный вѣтеръ.

— Слышишь, Денисъ? спросила вдругъ старушка. — Звонятъ ко всенощной! Христось рождается!

Лѣсникъ набожно перекрестился. Старушка опустила на колѣни.

— Пресвятая Дѣва Марія, стала она молиться. — Ты видѣла страданія Твоего Сына и, глядя на нихъ, страдала и сама. — Ты видишь теперь наше горе. Сжался надъ нами и помощи намъ!

Она приникла лбомъ къ полу и стала тихо плакать. Завывалъ вѣтеръ, въ печкѣ трещалъ огонь и гдѣ-то въ уголку кричалъ сверчокъ. И вдругъ откуда-то издалека до старушки донесся чей-то голосъ. Кто-то просилъ о помощи; кто-то очевидно погибалъ и теперь жалобно звалъ къ себѣ на помощь.

Старушка вздрогнула.

— Ты слышалъ, Денисъ? спросила она и страхъ наполнилъ ея сердце.

Старикъ прислушался. На этотъ разъ крикъ раздался уже у самыхъ дверей.

— Отворите! послышался чей-то голосъ. — Впустите отдохнуть!

И кто-то робко постучалъ въ дверь.

Денисъ отворилъ. Ворвавшійся въ комнату вѣтеръ чуть было не потушилъ лампочку, которую онъ держалъ въ рукѣ, и наполнилъ всю избушку холодкомъ. Онъ поднял лампочку повыше и при ея слабомъ мигающемъ освѣщеніи увидѣлъ на порогѣ молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ. У нея было утомленное лицо, но ребенокъ еще не спалъ и весело оглядывался по сторонамъ.

— Пустите, добрые люди, отдохнуть!.. сказала женщина. — Мы сбились съ пути, устали и хотѣли бы у васъ переночевать.

Она вошла и старичкамъ показалось, что въ ихъ избушкѣ

вдругъ какъ-то сразу стало веселѣе. Точно этотъ чужой для нихъ человѣкъ вмѣстѣ со струей свѣжаго воздуха внесъ съ собою и ту радость жизни, которой было такъ много въ этотъ вечеръ въ деревняхъ и въ городахъ, гдѣ всѣ готовились ко встрѣчѣ Рождества.

— Сейчасъ сочельникъ... отвѣтилъ Денисъ стараясь придать своему голосу какъ можно больше привѣтливости и доброты.— Каждому человѣку нужны покой и тепло... Войди, мы очень тебѣ рады... Но ты съ ребенкомъ, а у насъ лежитъ сейчасъ въ скарлатинѣ больной. Если не боишься, то погрѣйся у огонька и отдохни. Несчастье посѣтило насъ!

И онъ указалъ на умиравшаго ребенка.

— Бѣдный мальчикъ!.. съ участіемъ вздохнула гостья.

Она подошла къ постели, на которой метался больной, и, полная состраданія, наклонилась надъ нимъ и провела рукой по его горячему лбу.

— Онъ выздоровѣтъ! сказала она весело.— За ваше участіе къ птицамъ и звѣрькамъ онъ будетъ здоровъ!

Она положила своего ребенка на ту-же кровать, повернула больного на другой бочокъ и укрыла его по шею одѣяломъ. И почти тотчасъ-же Вася заснулъ и сталъ ровно и спокойно дышать. Взявши затѣмъ своего ребенка на руки,

женщина отошла къ печкѣ, сѣла на скамеечку и стала грѣться у огня. Ея младенецъ скоро заснулъ у нея на колѣняхъ и во всей избушкѣ наступила тишина.

— Бабушка, вдругъ послышался голосъ Васи.— Мнѣ не хорошо, подойди ко мнѣ!

И онъ снова заметался и сталъ громко бредить. Старушка вздрогнула и съ мольбою посмотрѣла на незнакомку. Старики поняли ея взглядъ и робко подошелъ къ своей гостѣ. Она сидѣла по прежнему передъ огнемъ, прекрасная и спокойная, и голубыми, серьезными глазами глядѣла въ пространство съ такимъ выраженіемъ, будто безмолвно, но горячо молилась.

— Не отходи отъ нашего мальчика! обратился къ ней Денисъ.— Едва только ты подошла къ нему въ первый разъ и коснулась его, какъ онъ уже успокоился и заснулъ. Теперь онъ пробудился вновь. Подойди къ нему и коснись его еще разъ!

Молодая женщина ласково улыбнулась. Не отвѣтивъ ни слова, она подошла къ постели, положила въ нее своего младенца, а больного взяла къ себѣ на руки, отошла съ нимъ къ печи и, какъ прежде держала у себя на колѣняхъ своего ребенка, такъ и теперь усѣлась съ больнымъ передъ огнемъ и стала держать его у себя на колѣняхъ.

„Зачѣмъ она это сдѣлала? Зачѣмъ она положила своего ребенка въ постель?“ подумалъ Денисъ.— „Такъ она заразить скарлатиной и его!“

„Надо было-бы отъ этого ее удержать!“ подумала въ свою очередь и старушка.

И они оба отошли къ столу и стали за нею наблюдать.

Лежа на колѣняхъ у незнакомки, маленькій больной скоро пересталъ стонать и заснулъ: ребеночекъ тоже крѣпко спалъ вмѣсто него на его постели и улыбался во снѣ. Кричалъ по прежнему сверчокъ и за стѣною дулъ сильный вѣтеръ, гудѣвшій въ вершинахъ сосенъ; но въ избушкѣ было тихо и тепло. Сломленные усталостью и цѣлымъ рядомъ безсонныхъ ночей, Денисъ и его жена скоро прикорнули у стола и такъ, сидя и не раздѣваясь, тоже заснули и проспали до самаго утра.

А когда они проснулись, то было уже свѣтло. Буря прекратилась совсѣмъ, свѣтило солнце и сквозь узоры на стеклахъ окна его лучи проникали въ избушку и освѣщали желтоватымъ свѣтомъ противоположную стѣну.

— Прощайте, добрые люди! обратилась къ старикамъ молодая женщина.— Уже пора! Мнѣ еще далеко идти!

Они хотѣли ее удержать.

— Останься съ нами! отвѣтили они ей.— Сегодня Рождество! Мы

будемъ тебѣ рады... Ты будешь у насъ, какъ своя...

Но она не согласилась.

— Мнѣ предстоитъ еще далекій путь! сказала она.— Да благословить васъ Богъ!

И она протянула къ Денису и его женѣ ихъ маленькаго Васю, который теперь улыбался и былъ совершенно здоровъ. Полные удивленія они схватили его на руки, стали его прижимать къ себѣ, ласкать и слезы благодарности потекли у нихъ изъ глазъ. Затѣмъ незнакомка взяла съ постели своего младенца и прежде чѣмъ старики успѣли придти въ себя отъ радости и удивленія и остановить ее, она уже отворила дверь.

— Кто ты? спросилъ ее Денисъ.— Какъ тебя зовутъ?

— Марія! просто отвѣтила она.

— А какъ имя твоего ребенка?

— Иисусъ...

Старики остановились въ изумленіи, радость наполнила ихъ сердца, они хотѣли броситься къ ея ногамъ, но она уже вышла изъ избушки и отправилась куда-то по глубокому снѣгу одна; и еще долго Денисъ и его жена стояли у порога и смотрѣли ей вслѣдъ.

Когда-же она скрылась наконецъ за дальними елками совсѣмъ, то старикъ и старушка возвратились къ себѣ въ избушку и, безмолвно, посмотрѣли другъ другу въ глаза. Постель, на которой провелъ ночь младенецъ, показалась имъ теперь

сіявшей, какъ солнце, и какой-то удивительный, нѣжный аромат наполнялъ теперь всю ихъ избу. Маленькій Вася бѣгалъ по комнатамъ и щебеталъ, какъ птичка. Увидѣвъ его и полные глубокаго благоговѣнія, старики опустились передъ постелью на колѣни и убѣжденные въ томъ, что на ней всю ночь пролежалъ Младенецъ - Христосъ, они сложили руки ладонями вмѣстѣ и стали шептать:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“.

А затѣмъ Денисъ взялъ лукошко гречневой крупы и лопотъ хлѣба и вышелъ съ ними на воздухъ.

Со всѣхъ сторонъ къ нему слетѣлись мелкія птички, сороки и вороны и сбѣжались давно уже соскучившіеся по немъ зайцы и онъ сталъ ихъ кормить.

Свѣтило яркое зимнее солнце и было весело и свѣтло на душѣ и у старика.

— Ъшьте! говорилъ онъ имъ.— Клюйте на здоровье! Въ эту ночь меня посѣтила Божія Матерь и все изъ-за васъ!

Нѣсколько птичекъ слетѣли къ нему на плечи и на шапку, но онъ не гналъ ихъ и ему казалось, что и онѣ тоже знали, кто у него былъ въ эту ночь въ гостяхъ.

(по Wanda. «La P. M.»).

„ЗООЛОГИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ“.

II.

Погода становилась все хуже и хуже. Глубокая осень смѣнилась зимой и вмѣсто упорнаго, холоднаго дождя каждый день сталъ дуть вѣтеръ и по улицѣ, мимо „Зоологическаго Магазина“ тучами носился снѣгъ. По прежнему съ утра и до вечера горѣли въ магазинѣ лампы, птички въ развѣшанныхъ по стѣнамъ клѣткахъ умолкли и лѣнливо прыгали по жердочкамъ, попугай уже по цѣлымъ недѣлямъ не вынималъ изъ подъ крыла головы и его сосѣдка обезьяна, съжившись въ ком-

чекъ, сидѣла у себя въ клѣткѣ и дрожала отъ вѣтра, дувшаго на нее сквозь щель плохо промазаннаго окна, часто плакала и цѣлыми часами просиживала неподвижно въ полудремотѣ и ничего не ѣла. Хозяинъ терпѣливо поджидалъ покупателей и его мальчикъ Ванюшка попрежнему спалъ въ магазинѣ въ коморкѣ и долженъ былъ по ночамъ пугать крысъ и мышей.

Наступало Рождество. Въ Сокольничьихъ магазинѣ былъ запертъ въ шесть часовъ, Ванюшка былъ

оставленъ въ немъ ночевать и, бреча ключами, хозяинъ ушелъ къ себѣ домой.

— Завтра великій праздникъ, сказалъ онъ Ванюшкѣ, уходя.— Какъ только ночь пройдетъ, ты отопри заднюю дверь, выйди изъ магазина и сходи къ обѣднѣ... Да не забудь запереть!

Ванюшка остался одинъ. Дуль вѣтеръ, тучами носился снѣгъ, но по улицѣ взадъ и впередъ ѣздили экипажи, автомобили и сани и стремились прохожіе. Звонили ко всенощной. Всѣ магазины были освѣщены и каждый старался поскорѣе закончить въ нихъ свои покупки. Чувствовалось приближеніе праздника и Ванюшкѣ сильно захотѣлось къ себѣ въ деревню. Въ прошломъ году въ этотъ день у нихъ въ школѣ была елка. Мальчики пѣли, ѣли сласти и каждый изъ нихъ получилъ въ подарокъ ситцу на рубаху и нанки на штаны. Затѣмъ учительница показывала имъ картины изъ волшебнаго фонаря. Послѣ елки, радостные, довольные и мокрые отъ жары, они шли къ себѣ въ деревню домой. Было морозно, свѣтила луна и было такъ свѣтло, какъ днемъ. Подъ ногами задорно хрустѣлъ снѣгъ, раза два или три выбѣгаль заяцъ изъ-за кустовъ и трусливо убѣгаль, оставляя слѣдъ по снѣгу. Мальчики пускали въ него снѣжки, но, конечно, не попадали. А луна забиралась все выше и выше, точно хотѣла получше заглянуть въ самыя трубы избушекъ.

Ванюшка вспомнилъ все это и заплакалъ. Ему захотѣлось къ себѣ въ деревню, а здѣсь онъ былъ одинъ, въ тѣснотѣ и въ духотѣ,

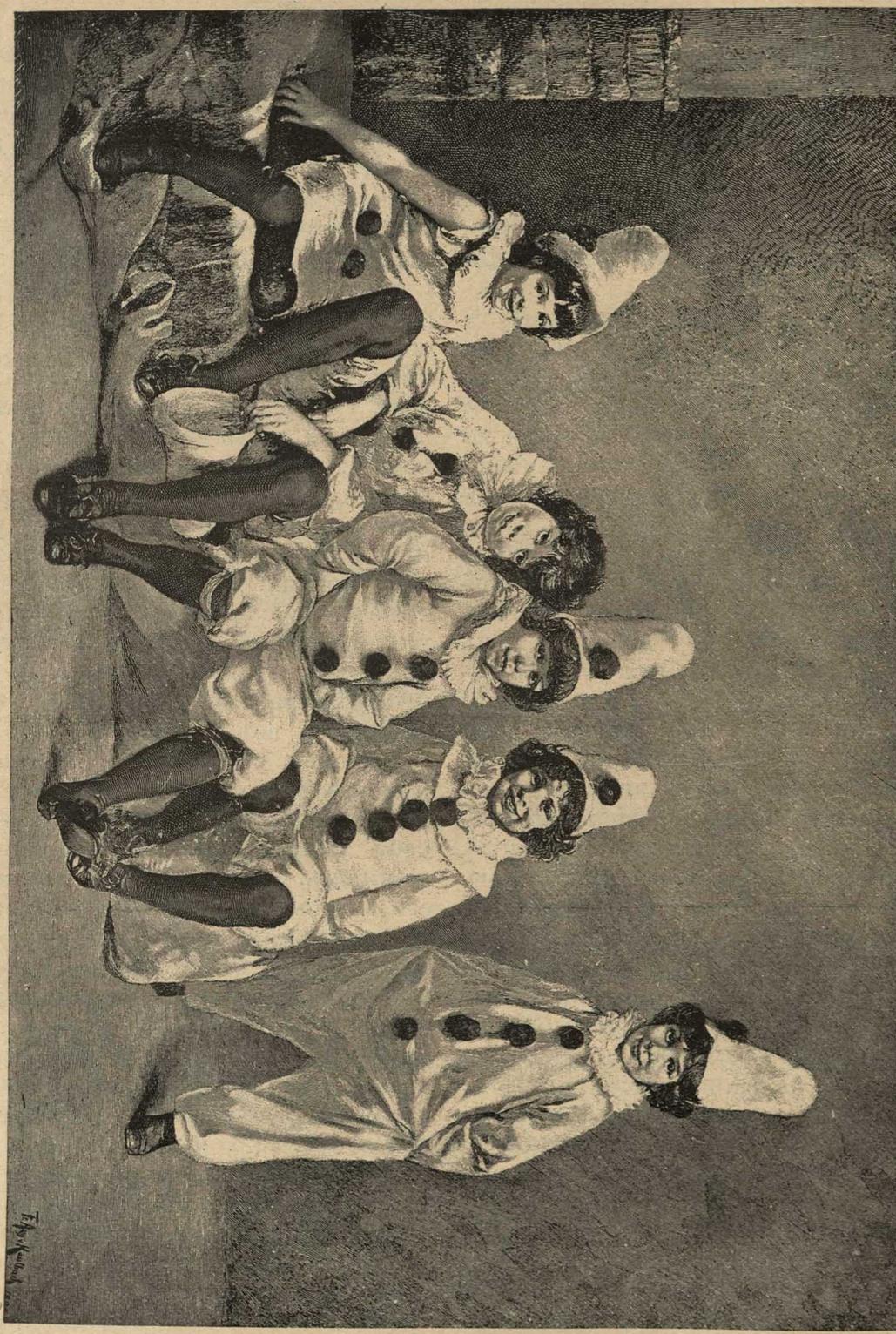
тогда какъ его сверстники бѣгаютъ теперь по снѣгу на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ и весело смѣются.

— Господи, за что я такой несчастный? проговорилъ онъ и утеръ себѣ кулакомъ глаза.

Онъ подошелъ къ окну, на которомъ дремала обезьянка и поглядѣлъ изъ него на улицу. Въ сосѣднемъ домѣ всѣ окна были освѣщены, видно было, какъ въ нѣсколькихъ квартирахъ ярко сверкали уже зажженные елки и какъ нарядныя дѣти, взявшись за руки, водили вокругъ нихъ хороводъ, бѣгали, веселились... Наверху, надъ магазиномъ, тоже заиграли на роялѣ и кто-то запрыгаль и затопталь ногами. Должно быть, и тамъ тоже была елка. Теперь и у него на деревнѣ, Игнашка и Николка, которыхъ дѣвушки прозвали за что-то „карасями“, играютъ на гармоніяхъ и всѣ танцуютъ.

Ванюшка сидѣлъ у подоконника и глядѣлъ въ окно и никогда еще до сихъ поръ онъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и заброшеннымъ, какъ теперь. Почему его отдали въ услуженіе именно въ этотъ магазинъ? Зачѣмъ онъ здѣсь нуженъ? И не похожъ-ли онъ теперь на этихъ несчастныхъ птицъ и звѣрьковъ, которые томятся для чего-то въ клѣткахъ, на чужой сторонѣ, безъ проблеска надежды впереди и терпѣливо ждутъ своего конца?

Онъ глядѣлъ въ окно и картины его деревни проносились передъ нимъ одна за другой. Чтобы получше ихъ разглядѣть, онъ положилъ голову на локти и закрылъ глаза. Вотъ передъ нимъ его изба. Вышла бабушка Матре-

БЕССИМЯ СЕСТРИ.

на и, хрустя валенками по снѣгу, побрела куда-то влѣво. — „Это она пошла за водой“ думаетъ Ванюшка. А вотъ выбѣжалъ изъ сосѣдней избы Бориска и сталъ кликать своей сестрѣ: — „Аксютка! Аксютка!“

дѣла на него такими глазами, точно хотѣла ему сказать:—

— Я одинока и заброшена сюда такъ-же, какъ и ты! Возьми меня къ себѣ! Мнѣ холодно и я озябла! Я никакъ не могу уснуть!..

Онъ поднялся, отворилъ въ клѣт-

Въ теплоѣ гвѣздышкѣ.

И вдругъ кто-то тронулъ Ванюшку за плечо. Онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и оглядѣлся по сторонамъ. Сквозь прутья рѣшетки обезьянка просунула къ нему свою лапку и старалась достать до его плеча. Отъ уличнаго фонаря свѣтъ падалъ прямо ей на мордочку и Ванюшкѣ показалось, что она гля-

къ дверцу, взялъ изъ нея обезьяну, растегнулъ пиджачокъ и засунулъ ее къ себѣ за пазуху.

— Иди сюда! сказалъ онъ. — Вотъ такъ!

И, чувствуя тепло около своей груди, онъ снова положилъ голову на локти и сталъ мечтать. Обезьянка крѣпко прижалась къ

нему и ему, и ей стало казаться теперь, что они не одни и что обоимъ имъ теперь не такъ страшно и одиноко, какъ было до сихъ поръ.

— Ты думаешь о своей деревнѣ? вдругъ обратилась къ нему обезьянка. — А не хочешь-ли, я расскажу тебѣ о моей родинѣ, о моихъ краяхъ, гдѣ никогда не бываетъ зимы, гдѣ небо вѣчно голубое и высокія пальмы гордо поднимаютъ къ нему свои вершины?

Но странная истома разлилась вдругъ по всему его тѣлу, ему не захотѣлось поднимать голову и даже отвѣчать. Онъ плотнѣе зажмурилъ глаза и продолжалъ мечтать.

— Я родилась въ Африкѣ, на Гвинейскомъ берегу, продолжала обезьянка. — Нашъ роскошный тропическій лѣсъ начинался какъ разъ у самага берега Атлантическаго океана и уходилъ далеко вглубь страны. Вокругъ гигантскихъ стволовъ деревьевъ вились гирляндами лианы и спускались внизъ съ ихъ вершинъ. Повсюду виднѣлись роскошныя орхидеи и ихъ очаровательныя цвѣты были похожи на разноцвѣтныхъ птичекъ, уцѣпившихся за листья деревьевъ. Бананы, финики, ананасы—все это было къ нашимъ услугамъ. Прекрасный, величественный океанъ подкатывалъ къ нашему лѣсу свои волны и въ нихъ отражались вѣрныя пальмы, которыхъ много росло на берегу. Удивительныя птицы съ криками перелетали съ вѣтки на вѣтку и попугаи вереницами лазали по деревьямъ и передразнивали одинъ другого.

Моя мать зорко слѣдила за мной и не отпускала меня отъ себя ни на шагъ. Куда-бы она ни шла, она или вела меня за руку, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, или-же брала къ себѣ на руки и прижимала меня себѣ къ животу. Я была у нея единственнымъ дѣтенышемъ, она любила меня и не пропускала случая, чтобы не покормить меня чѣмъ-нибудь повкуснѣе. Она срывала для меня финики, бананы, грызла для меня орѣхи и я всегда была такъ сыта, что часть пищи засовывала къ себѣ въ защечные мѣшки и берегла до слѣдующей ѣды. Это была счастливая жизнь!

Мы жили цѣлымъ обществомъ, штукъ въ двѣсти или триста обезьянъ, и жизнь наша протекала такъ-же шумно, какъ и у людей. Мы ссорились, дрались, но тотчасъ-же и мирились, висли на вѣтвяхъ деревьевъ внизъ головами на хвостахъ и качались на нихъ, какъ на качеляхъ. Мы бросались другъ въ друга какимъ-нибудь плодомъ или шишкой и это походило на вашу игру въ мячъ! Наигравшись и уставъ дѣлать гримасы и хлопать другъ дружку по щекамъ, мы взбирались на вершины деревьевъ и начинали обѣдать. Послѣ обѣда мы всѣ затихали и грѣлись на солнцѣ. Мартышки очень любятъ искать другъ у дружки въ головѣ и эти мирныя сцены ты могъ-бы видѣть въ нашемъ лѣсу каждый день.

Наши матери кормятъ своихъ младенцевъ грудью, точно такъ-же, какъ и человѣкъ. Но я давно уже перестала сосать и теперь моя мать приучала меня къ растительной ѣдѣ и указывала мнѣ, что

можно ѣсть и что нельзя. Когда по близости отъ насъ нами было истреблено уже все, то мы всѣмъ нашимъ обществомъ дѣлали набѣги на сосѣднія плантаціи и истребляли тамъ бананы и кукурузу. При этомъ мы не боялись ничего, такъ какъ за нашей безопасностью всегда слѣдилъ нашъ вожакъ и во время предупреждалъ насъ, когда вдругъ появлялся человѣкъ. Въ такихъ набѣгахъ участвовали мы всѣ: и дѣти, и старики. При этомъ матери несли своихъ младенцевъ у своихъ животовъ, а кто былъ слабъ и не могъ идти самъ, того кто-нибудь изъ друзей несъ у себя на плечахъ. Это были наши очаровательныя прогулки, полныя шумной веселости, кривляній и передразниванія другихъ.

Иногда отъ объяденія у меня начиналъ болѣть животъ. Тогда моя мать прижимала меня животомъ къ себѣ и это служило для меня грѣлкой и исцѣляло меня. Раза два, когда мы бросались шишками отъ кедра, мой неловкій товарищъ по игрѣ расшибалъ мнѣ до крови плечо и високъ. Тогда моя мать брала какую-то траву, похожую на табакъ, жевала ее и прикладывала мнѣ къ ранѣ. И рана скоро заживала.

Въ счастливыхъ играхъ я и не замѣчала, какъ проходили мои дни. Съ утра и до вечера я рѣзвилась подъ наблюдениемъ матери, прыгала съ вѣтки на вѣтку и радовалась жизни, для которой создалъ меня Господь. Какъ только наступалъ вечеръ, я взбиралась съ матерью на самую вершину дерева

и тамъ, крѣпко уцѣпившись за вѣтку хвостомъ, спала до утра. Утромъ я просыпалась и мать вела меня къ ручью на водопой. Напившись, мы начинали умываться. Мать брала пригоршнями изъ ручья воду, умывалась сама и обливала водой мордочку и мнѣ. Затѣмъ мы отправлялись разыскивать себѣ ѣду. Когда-же свѣтила луна, то мы не спали всѣ ночи напролетъ, играли, веселились на берегу моря и проказничали, или же, усѣвшись на пескѣ рядомъ, брали въ руки палки и стучали ими одна по другой: это замѣняло намъ оркестръ.

Однажды, когда мы сидѣли въ такую ночь на берегу, изъ кустарника вдругъ неожиданно выскочилъ тигръ, схватилъ одного изъ насъ и унёсъ. Мы всѣ испугались и въ ужасѣ шарахнулись къ деревьямъ. Пока мы въ безпорядкѣ взлѣзали на нихъ, появилась вдругъ откуда-то змѣя и съѣла другого изъ насъ.

— „Это тебѣ урокъ!“ сказала мнѣ мать.— „Будь осторожна! Тигры и змѣи—единственные наши враги, отъ которыхъ мы не успѣваемъ спастись. Отъ всѣхъ другихъ мы успѣваемъ скрываться на вершинахъ деревьевъ!“

Но моя мать жестоко ошибалась. У насъ былъ еще одинъ врагъ и болѣе жестокій, чѣмъ тигръ или змѣя. Это—былъ человѣкъ. Онъ не былъ такъ силенъ и проворенъ, какъ они, но за то онъ былъ такъ хитеръ, какъ ни одно живое существо въ свѣтѣ. Кромѣ того, тигръ и змѣя уничтожали насъ, чтобы не умереть съ голода самимъ, а

человѣкъ ловить насъ для своей забавы, только для того, чтобы лишить насъ нашей родины и держать въ клѣткахъ, какъ дикихъ звѣрей.

Я помню мою послѣднюю лунную, тихую ночь у себя на родинѣ, на Гвинейскомъ берегу. Мерцали звѣзды, шумѣло море и во всей природѣ было такъ хорошо, что не хотѣлось спать. Мы сидѣли всѣмъ нашимъ обществомъ на самыхъ верхнихъ вѣтвяхъ деревьевъ и смотрѣли на луну. Какъ вдругъ глубоко внизу слышались чьи-то шаги.

— „Человѣкъ! Человѣкъ!“ заговорили обезьяны. — „Онъ зачѣмъ-то сюда пришелъ! Посмотримъ, что онъ будетъ здѣсь дѣлать! Это такъ интересно!“

Человѣкъ принесъ съ собою цѣлую корзину спѣлыхъ плодовъ и для чего-то разбросалъ ихъ подъ деревьями на песокъ. Затѣмъ онъ покрылъ ихъ сверху большой сѣтью и прикрѣпилъ края ея къ землѣ. Потомъ онъ легъ на животъ и подползъ на немъ къ сѣти, заползъ подъ нее, досталъ изъ-подъ нея апельсинъ и тѣмъ-же порядкомъ вылѣзъ обратно. Съѣвъ апельсинъ, онъ куда-то ушелъ.

— „Подруги!“ вдругъ крикнулъ кто-то изъ насъ. — „Не правда-ли, какъ это забавно! Давайте попробуемъ сдѣлать такъ-же, какъ и человѣкъ! Посмотрите, какіе тамъ спѣлые, сочные плоды! Неужели мы тоже не можемъ подлѣзть подъ эту сѣть, какъ и онъ!“

И всѣ мы прыгнули толпой съ деревьевъ и бросились къ сѣти. Мы точно такъ-же, какъ и человѣкъ, поползли къ ней на живо-

тахъ и когда добрались наконецъ до плодовъ, то наша пѣсня была спѣта. Изъ-за кустовъ неожиданно выскочилъ вдругъ человѣкъ, дернулъ за веревку и всѣ мы оказались въ плѣну.

— „Ага! Поймались!“ радостно закричалъ онъ. — „Теперь ужъ вы проститесь съ вашимъ лѣсомъ навсегда!“

Мы стали биться, вырываться, ужасъ овладѣлъ всѣмъ нашимъ существомъ, но чѣмъ болѣе мы хотѣли спастись, тѣмъ все болѣе и болѣе запутывались въ сѣтяхъ и съ грустью поняли наконецъ, что намъ не вырваться уже на волю никогда.

Не помню, какъ дождались мы утра. Съ разсвѣтомъ къ нашей сѣти пришло нѣсколько человѣкъ. Они принесли съ собою большую клѣтку, похожую на сплетенный изъ камыша сундукъ, посадили насъ въ него и повезли куда-то далеко. Намъ было тѣсно такъ, что нельзя было дышать, но мы отъ страха молчали и не замѣчали тѣхъ увѣчій и ранъ, которыя причинили себѣ, когда вырывались изъ сѣти. Моя мать забила въ уголокъ и крѣпко прижимала меня къ себѣ.

— „Что мы надѣлали!“ шептала она. — „Что ожидаетъ насъ впереди?“

Насъ погрузили на пароходъ, долго везли по океану и наконецъ высадили на берегъ. Это была какая-то чужая страна, совсѣмъ не похожая на нашу; въ ней вмѣсто тропическаго лѣса возвышался у берега цѣлый лѣсъ мачтъ отъ кораблей и на пристани поднимались фабричныя трубы и дымили.

О, съ какой грустью я вспомнила теперь о своихъ родныхъ мѣстахъ! Съ какимъ-бы наслажденіемъ я вернулась къ себѣ обратно, въ свои любимые лѣса!

Пришли какіе-то люди, похожіе на цыганъ, и стали насъ покупать. Одинъ купилъ мою мать, другой—меня. Они заковали наши шеи въ желѣзные ошейники, привязали насъ къ цѣпямъ и растащили насъ въ разныя стороны.

— „Прощай!“ сказала мнѣ мать.— „Мы не увидимся уже больше никогда!“

— „Прощай, мама!“ отвѣтила я ей.— „Вспоминай обо мнѣ!“

И холодная, неумолимая цѣпь потащила меня за голову куда-то далеко, по жесткой, каменной мостовой, я услышала надъ собою какія-то приказанія моего хозяина и почувствовала на своей спинѣ его плеть. Я запрыгала отъ боли, онъ дергалъ меня за цѣпь и зѣвакамъ казалось, что это я танцевала, и они смѣялись и давали ему за это деньги. И съ этихъ поръ для меня начались дни моихъ страданій, которые продолжаютъ и до сихъ поръ. Непривыкшая къ холоду и грязной мостовой, я скоро захворала и думала, что умру. Мой хозяинъ счелъ это за лѣнь и за нежеланіе съ моей стороны танцевать и больно билъ меня своей плетью. Отъ ошейника и отъ частаго дерганья за цѣпь у меня разболѣлась шея и голова, вмѣсто фруктовъ и ягодъ я ѣла теперь черный ржаной хлѣбъ и стала едва таскать ноги. Въ красненькой юбочкѣ и въ колпачкѣ, некрасивая, совсѣмъ не похожая на ту, какою я была у себя на

Гвинейскомъ берегу, я скоро стала хирѣть и кашлять такъ, что по цѣлымъ ночамъ никакъ не могла уснуть.

А затѣмъ я опасно заболѣла и сколько времени я хворала, — я не знаю. Когда-же я очнулась и пришла въ себя, то нашла себя здѣсь, въ этой клѣткѣ и на этомъ окнѣ и вотъ никакъ не могу согрѣться и прійти въ себя. Все время темно, холодно, горитъ для чего-то передъ глазами фонарь и теперь я уже совершенно не могу понять, кому и зачѣмъ я нужна и для чего меня томятъ въ неволѣ!..

Обезьянка смолкла и еще тѣснѣе прижалась Ванюшкѣ къ груди. Онъ по прежнему лежалъ головою у себя на локтяхъ и не открывая глазъ.

— Знаешь, что? вдругъ обратилась къ нему обезьянка.— Бѣжимъ отсюда! Возьми меня къ себѣ, защити меня отъ стужи и я покажу тебѣ, какъ хорошо у насъ въ Африкѣ на Гвинейскомъ берегу! Бѣжимъ туда вдвоемъ! Ты увидишь пальмы и океанъ!

Онъ приподнялъ было голову, но снова опустилъ ее на подоконникъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ и улыбнулся во снѣ. У насъ въ деревнѣ сейчасъ лучше, чѣмъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Когда я вырасту большой, то я никогда не буду служить по торговой части и стеречь васъ отъ крысъ; я буду жить у себя въ избѣ, пахать землю и ходить по полямъ...

И ему показалось, что попугай высунулъ при этомъ свою голову изъ-подъ крыла и сказалъ:

— Я тоже хотѣлъ - бы къ себѣ

домой!.. Нѣтъ большаго счастья, какъ быть у себя на родинѣ и жить въ кругу своихъ близкихъ и родныхъ.

Ванюшка вздрогнулъ, приподнялъ голову и вскочилъ. Только теперь онъ понялъ, что онъ спалъ и что все это привидѣлось ему во снѣ, и сталъ одною рукой протирать себѣ глаза. Обезьянка тоже спала у него на груди и крѣпко обняла его лапкой за шею. Въ окнахъ напротивъ все еще горѣли огни, но елки уже погасли и не было видно вокругъ нихъ дѣтей. На улицѣ было тихо, уже не было толкотни прохожихъ и шмыганья взадъ и впередъ экипажей и только одинокій городской стоялъ на углу и пожимался отъ налетавшихъ на него порывовъ вѣтра.

— Ну, что-же? обратился Ванюшка къ обезьянѣ. — Пора уже спать! Пойдемъ, милая, ко мнѣ и укроемся-ка одѣяломъ съ головой!

И онъ понесъ обезьянку къ себѣ въ коморку и уложилъ ее рядомъ съ собой.

Въ эту ночь ей казалось, что она не одинока; что у нея есть такой-же несчастный другъ, какъ и она сама, и отъ этой первой ласки, которую она испытала отъ человѣка въ первый разъ за столько лѣтъ, ей стало казаться, что она у себя на родинѣ въ далекой Африкѣ, на Гвинейскомъ берегу, и что ей свѣтитъ теплое солнце и только для нея одной ласково сверкаетъ своими волнами Океанъ.

С. Вершининъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы шесть словъ, означающихъ:

- 1) Ночную птицу.
- 2) Длинноухое животное.
- 3) Красивое насѣкомое.
- 4) Большой круглый, сладкій, сочный овощъ.
- 5) Домашнюю птицу.
- 6) То, чѣмъ обладаютъ многіе цвѣты.

Отгадать эти слова и изъ ихъ первыхъ буквъ составить названіе нашего друга.

Кто этотъ другъ?

II.

Крестьянину понадобился одинъ сельско-хозяйственный инструментъ и, чтобы его купить онъ

отправился на базаръ въ....; здѣсь онъ увидаль лавку; около лавки была разсыпана гречневая..... и утка и ея..... клевали ее. Крестьянинъ прогналъ ихъ съ дороги и сталъ покупать инструментъ.

На мѣстѣ точекъ поставить слова.

Изъ послѣднихъ слоговъ этихъ словъ составить названіе инструмента, который былъ необходимъ крестьянину.

Какой это инструментъ?

III.

Шуточные вопросы: 1) Кто мастеръ на всѣ руки? 2) По какимъ полямъ никто не ѣздитъ и не ходитъ?

(Предложила Леля Наумова).

IV.

1) Почему во время дождя на небѣ обязательно ползутъ темныя тучи или сѣрыя облака?

2) Когда намъ нужно ѣхать по желѣзной дорогѣ, то мы отправляемся на вокзалъ, подходимъ къ кассѣ и покупаемъ у кассира билетъ. Зачѣмъ кассиръ продаетъ

намъ именно билетъ, а не чай и не сахаръ?

3) Вышли пахать отецъ и его маленькій сыночекъ. Отецъ былъ втрое сильнѣе, чѣмъ его сыночекъ, и потому уходилъ съ плугомъ далеко впередъ отъ сына и сынъ не могъ за нимъ поспѣвать. Почему-же именно сынъ не могъ догнать отца?

Рѣшеніе головоломокъ и Ребуса № 2, помѣщенныхъ въ № 2 „Золотого Дѣтства“.

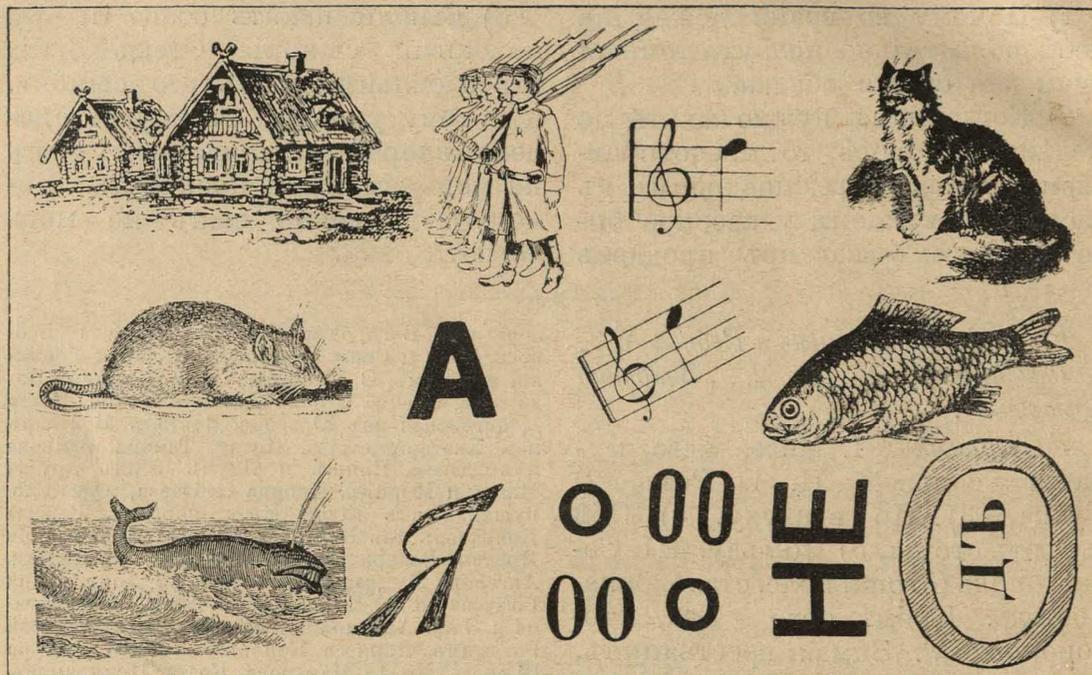
Головоломки: I. Мясо, мыло, муравей = соловей. II. 1) Ротъ, 2) Губка, 3) По воздуху, 4) Обѣ имѣютъ стопы, 5) По льду. III. Севастополь (стопа, поле, сталь, оспа, постель. Кроме того — Ева, сто, тополь). IV. Зима... крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь; его лошадка, снѣгъ почуя, плетется рысью, какъ-нибудь. V. *Шуточные вопросы:* 1) Та, которая длиннѣе всѣхъ отъ головы до хвоста, 2) Мягкимъ знакомъ.

Ребусъ № 2. Око + л + осель — а + н + арабъ + очи + хъ + бр + оси + лась + собака = Около села на рабочихъ бросилась собака.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Нина Желиховская изъ Курска, Сережа Тушканчикъ, Мариша Филиппова, Пупсъ Скрѣпчинскій изъ Гомеля, Шура Тарвидъ со ст. Калуга, Женя Стрекоза, Митя Ивановъ, Надя Пѣшкова, Миша, Коля, Маруся и Ляля Побѣдимовы, Сони Бергъ, Рита Журавлева, «Золотая Дѣтка», Владиміръ, Евгений и Георгій Конрадъ въ СПБ., Борисъ Афонасьевъ, Марточка Морозова, Анна Акушева, Миша Сомовъ, Коля Егоровъ, Граня Лосинскій. Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Петя и Оля Дымовы, Гриша Ненашевъ, Голубой Василекъ и бѣлая Ромашка, Миша Суворецъ въ СПБ., Милочка Козловская, Лена Серебренникова изъ Ташкента, Саня Козловскій изъ Хабаровска на Амурѣ, Лидуса и Муся, Ася Яков-

лева изъ Богородска-Глухова, Катруся Бобкова, Толя и Саша Стратоницкіе, Митя Троицкій изъ Сумъ, З. Сапожкова изъ Каменецъ-Подольска, Олечка Столярова, Катя Мохова, Надя Дилигенская изъ Юрьевца, Викторъ Вейтлеръ изъ Екатеринослава, Поли, Тамара Байкова изъ Одессы, Плишь и Плумъ и ихъ друзья Максъ и Мориць, Ирода Соболева, Оля Слѣпушкина изъ Кіева, Митя Фирсовъ, Сережа Домрачевъ изъ Камышнова, Люля Иванова изъ Москвы, Валера и Вася Шегловы изъ Калуги, Ангелина Луцкая изъ Ростова на Дону, Нина Рожкова со ст. Переволоцкъ Ташк. ж. д., Римма и Зина Автамоновы изъ Кинешмы, Алексѣй Рогожинъ, Ларисса Коновалова, Рита и Вѣра Шульць, Нелли Макарова, Костя Подивановъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Конрадъ и Ольгердъ Черноцкіе изъ Суйды, Женя Самойленко изъ Царскаго Села, Борисъ Нечкинъ изъ Казани, Лена Серебренникова изъ Ташкента, Гаря и Сима Троицкіе изъ Пудожа, Коля и Саня Кудрявцевы изъ Устюжны, Фаня и Люся Кадцельсонъ изъ Рогачева, Андрюша Федотовъ—донской казачокъ и его тетя Тая Волкова, Гога Штериталь, Леля Цакони изъ Осы, Вѣра, Толя и Саша Стратоницкіе изъ Нѣжина, Зоя Рождественская изъ Кугульты, Коля Рухманъ изъ Бѣлозерска, Тамара Байкова изъ Одессы, Женя Ревенская изъ Одессы, Шура Браиловская изъ Ялты, Тая Крыловская изъ Житомира, Михаилъ Суворецъ въ СПБ., Петя Ляхницкій, Федя Пашутинъ въ СПБ., Игорь Максимовъ въ Удѣльной, Леля Наумовъ, Оля Слѣпушкина изъ Кіева, Женя Кухарскій изъ Сорокъ, Женя Мышкинъ изъ Бѣлецъ Бесс. г., Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Наточка Фельдманъ изъ Сорокъ, Катя Попова изъ Екатеринослава, Пава и Сережа Лисенко изъ Елисаветполя, Тамара и Коля Прозоровы, Вѣра, Лена и Борисъ С. изъ Ташкента, Оля Вендеровичъ изъ Таганрога, Галина Русловичъ, Конрадъ Черноцкій изъ Суйды, Женя Выхольскій изъ Ростова на Дону, Женя Ревенко со ст. Константиновка, Ваня и Оля Тимилы изъ Твери, Вигольдъ Румшевичъ, Петя Авдѣевъ, Никочай Карповъ и Софія Мееровичъ съ сестрой, Станиславъ Квинто изъ Джульфы, Толя и Витя изъ Оренбурга, Ратя Концевичъ изъ Омска.

Ребусъ № 4.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки для ребусъ, будутъ напечатаны)

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ КЪ РОЖДЕСТВУ.

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается въ книжныхъ магазинахъ
С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ), подъ редакціей М. П. Чехова

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“.

Въ нее войдетъ большая повѣсть

≡ „Маленькій матросъ“. ≡

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

